

После той пощёчины Шэнь Нянь и Гу Чжи не обмолвились ни словом. Гу Чжи, похоже, и вправду чувствовал себя паршиво: он то проваливался в беспокойную дремоту, то снова просыпался. Каждым коротким взглядом он выискивал у двери Шэнь Чуншаня, а убедившись, что тот ещё не вернулся, бессильно прикрывал глаза. За весь день он не притронулся к еде.

Шэнь Нянь тоже ничего не ел — кусок в горло не лез, да и настроения не было вовсе.

Шэнь Чуншань появился только к вечеру. Выглядел он осунувшимся и заезженным: волосы растрёпаны, на лице пыль с дороги. Едва шагнув в палату, он бегло окинул взглядом койки и, заметив Гу Чжи, тут же бросился к нему. Он замер у кровати, сжимая кулаки; глаза его налились краснотой от подступавших слёз, но прикоснуться к мальчику он так и не решился — боялся причинить лишнюю боль.

— Как же это так?.. Шёл-шёл — и под машину? — Чуншань повернулся к Шэнь Няню, ставшему по другую сторону койки, и в его взгляде вспыхнула тяжёлая укоризненная неприязнь. — Что врачи говорят? С рукой всё в порядке? Чего жрать-то ждём, последствий никаких не останется?!

Шэнь Нянь не успел вымолвить и слова, как Гу Чжи медленно разлепил веки. Заметив стоящего у изголовья Чуншаня, он вспыхнул искренней, неподдельной радостью. В его голосе зазвенел восторг:

— Дядя Шэнь, вы вернулись!

Чуншань мгновенно забыл про Шэнь Няня. Наклонившись к мальчику, он заговорил с такой безудержной нежностью, что у каждого в палате сжалось бы сердце:

— Вернулся, Сяо Чжи, вернулся... Бедный мой, сколько же ты натерпелся! Очень болит? Где ещё немеет? Давай я врача позвать велю, пусть ещё разок осмотрит?

С приездом Чуншаня Гу Чжи будто заново родился. Он едва заметно качнул головой:

— Не болит. Вы вернулись — и мне больше совсем не болит.

— Эх, дитя... — Чуншань с суматошной жалеющей тоской глядел на него, не зная, куда деть руки. — Ну как же тебя так угораздило-то? Слава богу, обошлось без беды... А случись с тобой что серьёзное — как бы я твоему отцу в глаза посмотрел? Сгорал бы от стыда до конца дней!

Шэнь Нянь ещё некоторое время молча простоял у кровати. Душный воздух палаты давным-давно стал невыносимым. Он взял с тумбочки пластиковый стакан для воды и тихо вышел.

Двое, не видевшиеся несколько дней и жадно поглощённые разговором, даже не заметили его ухода.

Перед ужином у водоразборной колонки собралась небольшая очередь. Шэнь Нянь пристроился в самый хвост. То и дело кто-то влезал без очереди, пропихивая вперёд свои термосы, но он лишь равнодушно наблюдал за этим. Не потому, что боялся поставить кого-то на место, — ему просто не хотелось возвращаться в палату. Затянуть время казалось не самой худшей идеей.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Сколь бы ни была длинна очередь, настал и его черед. Шэнь Нянь подставил стакан под тонкую струю. Стоявшая рядом пожилая женщина, уже набравшая свои чайники, смирла его сочувственным взглядом:

— Парень, тебе ж всего одну кружку надо было! Сказал бы — тебя б любой без очереди пропустил. Чего ж ты стоял-то столько, бедолага?

Шэнь Нянь встряхнул головой и выдавил вежливую улыбку:

— Спасибо, тётушка. Я не тороплюсь.

Женщина ничего не ответила и, подхватив свои тяжелые бидоны, ушла. Шэнь Нянь дождался, пока вода заполнит стакан до краёв, и медленно побрёл обратно. По дороге он мысленно подбирал слова, чтобы сказать Чуншаню о своём отъезде домой. Торчать здесь не имело никакого смысла — Гу Чжи в его присутствии совершенно не нуждался. Но не успел он дойти до палаты, как Чуншань перехватил его прямо в коридоре:

— Иди за мной. Надо поговорить.

Шэнь Нянь даже не удивился — он словно с самого начала знал, что этим всё и закончится.

— Я только стакан поставлю.

Чуншань посмотрел на воду в его руках и отступил от двери, глухо проронив:

— Сяо Чжи уснул. Тише будь.

Шэнь Нянь ступил в палату, но Гу Чжи вовсе не спал. Стоило Шэнь Няню подойти к койке, как мальчик вскинул на него пронзительный взгляд, губы его искривились в ядовитой ухмылке, и он еле слышно прошептал:

— Брат Няньнянь... Когда в следующий раз захочешь дать мне пощёчину, задерни шторку. А то ведь вокруг полно людей, которые обожают доносить.

Шэнь Нянь прекрасно понял, на что тот намекает, но ничего не ответил. Поставив стакан на тумбочку, он развернулся и вышел. Чуншань ждал его у дверей. Заметив сына, он молча

направился к запасной лестнице, и Шэнь Нянь покорно поплёлся следом.

Стоило тяжёлой железной двери пожарной лестницы захлопнуться за их спинами, как на Шэнь Няня тут же обрушился резкий, ледяной оклик:

— Как Сяо Чжи получил травму?!

Голос Чуншаня звенел от ярости. Он явно уже успел чего-то наслушаться. Шэнь Нянь не стал ничего скрывать и ответил прямо:

— Упал с велосипеда. Он сделал это специально.

Словно не ожидав такого ответа, Чуншань на мгновение опешил, а затем с трудом обрёл дар речи:

— Что ты сказал?!

— Он сделал это намеренно, — Шэнь Нянь смотрел отцу прямо в глаза, впитывая каждую каплю его искажённого лица. — Специально покалечил себя, чтобы заставить тебя бросить дела и приехать.

— Сяо Чжи на такое не способен! — Чуншань тут же всплеснул руками, наотрез отказываясь верить. — Ему всего двенадцать лет! Я вчера лично говорил ему по телефону, что вернусь через пару дней! Если он знал, что я и так приеду, зачем ему творить подобную глупость?!

Чуншань впился в сына тяжёлым, подозревающим взглядом:

— Что между вами произошло за эти дни, пока меня не было?!

Шэнь Нянь прекрасно понял, к чему клонит отец. На несколько секунд в пролёте повисла звенящая тишина.

Он просто смотрел на Шэнь Чуншаня. Смотрел на человека, который впервые за четырнадцать лет стоял перед ним, не скрывая закипающего гнева, еле сдерживая брань. Впервые в жизни с лица отца полностью слетела привычная виноватая осторожность. Он стоял здесь, правый и уверенный в своей правоте.

И всё это — ради Гу Чжи.

Шэнь Няню внезапно стало до тошноты пусто. Всё вокруг потеряло малейший смысл. И эта многолетняя привычка терпеть, ужиматься, молчать — ради чего она была? Если всё равно

итог один, то почему бы не дать себе волю? Почему бы не сорваться, не разнести всё вдребезги хоть один-единственный раз?

— Ты думаешь, это я виноват, да? — тихо произнёс Шэнь Нянь. — Считаешь, что даже если он сделал это сам, то лишь потому, что я его заставил?

Чуншань не стал ничего отрицать. Он лишь раздражённо бросил:

— Тот развалившийся велосипед давно пора было выбросить на свалку! Я сколько раз тебе повторял: едь на новом! Послушался бы меня — и ничего бы сегодня не произошло!

Шэнь Нянь думал, что ему будет больно, но внутри не колыхнулось ни единого чувства. Оказалось, он с самого начала не ждал от Чуншаня ничего иного.

Он продолжал молча смотреть на отца.

— И чего ты опять упёрся?! — молчание сына окончательно вывело Чуншаня из себя. — Только потому, что я не купил тебе точно такой же велосипед, как у Лян Цю? Ты решил выказывать мне свой протест таким уродливым образом?! Да я же знаю, что ты с самого первого дня невзлюбил Сяо Чжи! Думаешь, я слепой?! Как только я привёл его в дом, ты начал избегать его, отсаживаться, сторониться! А ведь я тогда спросил твоего согласия! Кондиционер поставили в его комнате — ты туда ни разу не зашёл! Я зову тебя погулять с нами — ты вечно отказываешься! А Сяо Чжи каждый раз перед сном и перед выходом бежит и зовёт тебя!

— Если ты чем-то недоволен во мне — вымещай на мне! Это я привёл его в дом! Он ни в чём не виноват, ему всего двенадцать лет, он не обязан терпеть твои выходки!

Чуншань выпалил всё на одном дыхании. Из его глаз исчезли сомнения, осталась лишь глухая злоба и недовольство стоящим перед ним мальчиком. Глядя на то, как тяжело вздымается его грудь, Шэнь Нянь даже подумал, что отцу, наверное, стало невероятно легко после этих слов.

Шэнь Нянь ждал от себя хоть какой-то реакции, но внутри царил полный штиль. Он оставался абсолютно спокоен, по полочкам разбирая каждую брошенную отцом фразу:

— Папа. Я не просил тот велосипед. Я говорил тебе, что он мне не нужен. Но ты всё равно его купил, а я принялся молча терпеть. То, что я на нём не ездил, — тоже моя вина?

Чуншань опешил, собираясь что-то возразить, но Шэнь Нянь не дал ему перебить:

— Я не испытывал к Гу Чжи ненависти. Когда он появился в нашем доме, я искренне хотел стать ему старшим братом. Но я ему не нужен. Он видит во мне лишь того, кто отбирает твоё внимание. Я пытался наладить с ним отношения, но он всё отвергал. В этом тоже моя вина?

— Про кондиционер... Мне было всё равно. До Гу Чжи у нас его не было, потом он появился. Я знал, что его поставили не для меня, и слова не сказал. Но это Гу Чжи не хотел, чтобы я заходил в его комнату. Он не желал делиться прохладой, которую ты купил для него. И это тоже моя вина?

— Ты видишь только то, как он каждый вечер зовёт меня спать или гулять. А ты видел, как он меняется в лице, стоит мне подойти к тебе и заговорить? Слышал ли ты, как он обещал вышвырнуть меня из этого дома и прогнать от тебя подальше? Я держался от него на расстоянии лишь для того, чтобы спокойно жить в собственном доме. И это, по-твоему, тоже моя вина?!

Чуншань застыл, словно оглушённый ударом по голове. Но эта растерянность длилась всего пару секунд, после чего он затряс головой, гневно отвергая услышанное:

— Что ты такое несёшь?! За кого ты его принимаешь?! За чудовище?! Двенадцатилетний ребёнок просто не способен на такие мысли! Шэнь Нянь, перестань клеветать на мальчика!

Шэнь Нянь смотрел на него — на его упрямое, нежелающее верить лицо — и вдруг вспомнил, ради чего он молчал всё это время.

Гу Чжи жил у них всего несколько месяцев. За всё это время Шэнь Нянь не обронил о нём ни единого дурного слова. Все его выходки, все ядовитые фразы — он всё проглатывал и терпел.

Лян Цю твердил, что у него слишком мягкий характер, что Гу Чжи рано или поздно сжирёт его с потрохами и что нужно рассказать всё Шэнь Чуншаню.

Но Шэнь Нянь молчал именно потому, что знал: итог будет именно таким.

Пока он молчал, у него оставалась крошечная, иллюзорная надежда, что Чуншань верит ему и готов встать на его сторону. Но стоит произнести всё вслух — и эта последняя надежда сгорит дотла.

Он был сыном Шэнь Чуншаня четырнадцать лет. Пусть они редко виделись и мало разговаривали, Шэнь Нянь всегда верил, что между ними есть невидимая нить. Но четырнадцать лет родства не простояли и пары месяцев против Гу Чжи.

На самом деле удивления не было. Шэнь Нянь с самого начала знал этот расклад, просто отказывался признать его.

И то, что всё скрытое вылезло наружу, убив последнюю глупую иллюзию, было даже к лучшему. Цепляться за надежду и терпеть выходки Гу Чжи — вот что было по-настоящему глупо.

Молчание Шэнь Няня Чуншань истолковал по-своему: как молчаливое признание пойманного с поличным виновного. Вспомнив пересуды в палате, он окончательно потерял контроль над собой и процедил сквозь зубы:

— Я слышал от людей... Ты ударил Сяо Чжи. Это правда?

Соседи по палате успели поинтересоваться у Чуншаня, почему братья так не ладят: младший лежит поломанный, а старший влепил ему такую тяжелую пощёчину. Они ещё советовали Чуншаню не зарываться в работу, а то если между братьями встанет обида — это ж на всю жизнь трещина.

Сначала Чуншань не поверил. Он знал, какой у него сын. Хоть и понимал, что чужие люди не стали бы выдумывать такое на ровном месте, всё же списал это на ошибку или обычную детскую перепалку. К тому же сам Гу Чжи на расспросы лишь качал головой и всё отрицал.

Но теперь, слыша, как Шэнь Нянь обливает Гу Чжи грязью, Чуншань поверил. Раз он способен на такие слова — значит, способен и поднять руку на ребёнка.

Шэнь Нянь медленно кивнул:

— Ударил. Он покалечил себя и потащил меня за собой, заявив, что хочет умереть вместе со мной. Я не имею права разозлиться?

Не успел он договорить, как Чуншань уже вскинул руку, намереваясь влепить сыну ровно такую же пощёчину, какую тот влепил Гу Чжи. Шэнь Нянь мог уклониться — у него было время и место. Но он просто стоял и смотрел на отца.

Рука Чуншаня уже со свистом рассекала воздух. Шэнь Нянь зажмурился, готовый принять удар, но в этот миг тяжёлая дверь с грохотом распахнулась. Кто-то с дикой силой влетел в пролёт, наотмашь оттолкнув Чуншаня к стене и заслонив Шэнь Няня своей спиной.

— Ты думаешь, у тебя есть право бить его?! — этот крик больше походил на раскатистый рёв.

Лян Цю примчался в больницу прямо из школы. Он переживал за травму Шэнь Няня и боялся, что Чуншань, увидав поломанного Гу Чжи, без разбору обрушит весь гнев на его друга. Он даже не стал ждать лифта и пересчитывал ступени через две. И слава богу, что побежал по лестнице, — иначе этот удар пришёлся бы прямо по лицу Шэнь Няня.

Впрочем, Лян Цю понимал: в тот момент, когда Чуншань занёс руку над сыном, задел он его или нет — удар всё равно уже обжёг сердце Шэнь Няня.

Было одинаково больно.

Чуншань отлетел к штукатуренной стене, сильно ушибив спину, а от оглушительного рёва над самым ухом на мгновение потерял дар речи.

— Ты вообще отец или кто?! — Лян Цю тяжело дышал, глядя на него с закипающей ненавистью. — Ты ему родной отец?! Да будь он хоть с улицы подобранным, нельзя так с человеком поступать! Я долго молчал, потому что Няньнянь тебя уважает и не хотел устраивать сцен! Но скажи мне, Шэнь Чуншань, ты за все эти годы хоть раз о нём вспомнил?! Ты хоть знаешь, как он один тут выживал?! Ладно, ты целыми днями на заработках — хрен с ним! Но ты возвращаешься и вместо того, чтобы компенсировать сыну годы одиночества, притаскиваешь ему какого-то пацана!

— Привёл и привёл! Сын твоего друга, некому присмотреть — ладно, я бы даже уважил тебя за мужицкий поступок! Если б я сдох и у меня никого не осталось, я б тоже доверил своего сына Няньняню! Но если б я узнал, что ради моего сына Няньнянь забил на собственного ребёнка и превратил его жизнь в ад, я бы из гроба встал и яйца ему оторвал!

— Хочешь быть святым?! Так научись сначала быть человеком!

— Тебе за все эти годы хоть на грамм перед ним не стыдно?! — Лян Цю со вкусом сплюнул в угол. — Да о чём я спрашиваю! Был бы стыд — не устраивал бы ты этот цирк! Но запомни раз и навсегда: ты отец Няньняня, а не Гу Чжи! Хочешь быть хорошим папой — сначала о своём сыне позаботься, а потом уже чужих спасай! Жертвовать родным ребёнком ради чужого?! Да как у тебя вообще совесть поворачивается?! Если он тебе не нужен — на кой чёрт ты вообще сюда припёрся?! Забирай своего маленького извращенца и живите где хотите! Зачем возвращаться и отравлять Няньняню жизнь?! Почему он должен всё это терпеть?! Только потому, что он молчит и сдачи дать не может?!

Лян Цю выпаливал фразу за фразой, не давая Чуншаню вставить и слова. Тот стоял, ошарашенно хлопая глазами и едва успевая переваривать услышанное. Наконец, взглянув на молчаливого Шэнь Няня, Чуншань выдавил:

— Если он недоволен мной — пусть вымещает на мне. Сяо Чжи тут ни при чём.

Лян Цю издал сухой, почти безумный смешок и едва не свернул глаза к потолку:

— Теперь я понимаю, почему этот мелкий гад поплёлся за тобой! Ты же слепой, мягкосердечный дурак, которого вокруг пальца обвести — раз плюнуть! Каким местом ты смотришь, что он у тебя ни при чём?! Ты хоть раз интересовался, как этот мелкий извращенец издевается над Няньнянем, пока ты не видишь?! Ладно, допустим, ты слепошарый и ничего не замечал! Но Няньнянь — твой сын уже четырнадцать лет! Ты что, совсем его не знаешь?! Разве не ты должен был первым встать за него горой, заткнуть рот всем этим сплетникам и на всю больницу рывкнуть: «Мой сын на такое не способен»?!

— Я, чужой человек, верю ему без всяких условий! А ты — его отец! Неужели поверить собственному сыну для тебя так сложно?!

Голос Лян Цю был настолько громким, что на площадке за дверью начали останавливаться люди. Но ему было плевать — он хотел, чтобы вся больница узнала, что Шэнь Чуншань за отец и какая дрянь растёт под его крылом.

Чуншань стоял, словно прикованный к полу, не в силах вымолвить ни слова.

Шэнь Нянь наконец очнулся от цепящего оцепенения. Он ничего не сказал отцу — лишь протянул руку и тихонько потянул Лян Цю за рукав.

Лян Цю, собиравшийся продолжать орать, от этого легкого касания мгновенно сдулся. Все слова застряли у него в горле. Он развернулся, посмотрел на Шэнь Няня взглядом, полным безумной тревоги, и вдруг мягко, по-доброму улыбнулся. Его голос звучал так, словно он успокаивал маленького ребёнка:

— Я слишком громко орал, да? Напугал тебя? Ладно, всё, молчу. Пойдём, я накормлю тебя чем-нибудь вкусным, идёт?

Шэнь Нянь поднял на него глаза и медленно, с трудом выдавил из себя слабую улыбку:

— Идёт.

<http://bllate.org/book/20601/2130812>